

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Е.А. Оглезнева

РУССКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ:

Историко-лингвистический очерк

Приамурье, как и весь Дальний Восток, представляет собой довольно пеструю в этнонациональном плане территорию.

Славянское заселение этой местности началось сравнительно недавно – с середины XIX в., и ему немногим более ста лет, причем происходило заселение с разных территорий России, Украины, Белоруссии в несколько этапов, что обусловило неоднородность в социальном и языковом (диалектном) отношении внутри славянской части населения Дальнего Востока. Заселение Дальнего Востока следует считать славянским в этническом плане (переселялись с целью освоения земель главным образом русские, украинцы, белорусы), но чаще это заселение характеризуют как русское, поскольку оно было инициировано и осуществлено Российским государством [1, с. 268].

Коренным населением края являлись орофоны, гольды, манегры, тунгусы (эвенки) и некот. др. Эти народы и их языки также внесли свою лепту в языковую картину края, составляя неотъемлемую ее часть и, кроме того, оставили заметный след в местной топонимике.

Китайское и маньчжурское население – население граничащего с Россией государства – Китая также повлияло на язык региона и качественно изменило его языковую ситуацию, которая, в частности, с конца XIX в. характеризуется наличием в ней контактного языка – русско-китайского пиджина [См. об этом 2].

Языковой аспект русско-китайского взаимодействия находится в центре нашего внимания в данной статье, поэтому остановимся более подробно на исторических обстоятельствах этого взаимодействия.

1

Краткие исторические сведения о китайском присутствии в Приамурье в связи с проблемой межъязыкового взаимодействия со славянским населением в регионе³

1.1. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе в конце XIX – начале XX вв.

На территории современного Дальнего Востока китайцы появились как следствие планомерной политики китайского правительства по переселению китайцев в Маньчжурию [3,

³ В разделе частично использованы материалы из монографии автора «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания» (Благовещенск: АмГУ, 2007).

с. 186-187] и постепенно по своей численности стали доминировать над маньчжурами. Так, «в конце XIX– начале XX вв. доля китайского населения на Дальнем Востоке России составляла 10% общего населения региона. Китайцы представляли здесь вторую по численности (после русских) этническую группу населения и играли заметную роль в хозяйственной и духовной жизни Дальневосточного региона» [3, с. 170]. Происходила постепенная ассимиляция маньчжурского населения китайским: Маньчжурия, а также маньчжурское население в России окитаивались. По замечанию современника этого явления Евтюгина, во второй половине XIX в. «окитаивание Маньчжурии идет настолько успешно, что теперь уже опытные люди с трудом могут отличить маньчжура... от китайца. Начиная с одежды, устройства жилища, образа жизни и кончая языком – все китайское» [цит. по 3, с. 186].

Безусловно, такое положение дел не могло не отразиться на языковой ситуации. Известно, что маньчжуры постепенно утрачивали свой язык под влиянием китайского либо, сохраняя родную речь, использовали много китайских слов и выражений [3, с. 188].

В обыденном понимании дальневосточников китайцы и маньчжуры, как правило, тогда не различались: их всех считали и называли китайцами. Другим названием китайцев, активно функционировавшим на Дальнем Востоке, было «манзы» («манцзы»). Манзы, или манцзы – оседлые китайцы, проживавшие временно в Уссурийском крае, Приморской области на заработках [4, с. 238]. Такое название китайцы имели потому, что в Маньчжурию попали те из них, которые «спасались от наказаний и бежали из своего государства, или такие, которые не хотели подчиняться законам империи и желали жить в полнейшей свободе, на воле. Отсюда и название «манцзы», что значит полный или свободный сын» [5, с. 67]. В.К. Арсеньев в своей книге «Китайцы в Уссурийском крае» упоминал и о другой версии названия, ссылаясь на Е.А. Федорова: манцзы означает «выходец из Маньчжурии» [5, с. 67]. Еще одно толкование слова «манза» мы находим и в комментарии Е. Витковского и Ли Мэн к одному из стихотворений харбинского поэта А. Несмелова: *манза* (кит.) – букв. «дикий», «дикий человек»; в стихотворении – «житель дикого края» [6, с. 534].

«Лучший элемент», «самый смирный народ» – это характеристики китайцев, являющихся предметом бесконечных разговоров о них среди славянского населения Дальнего Востока. Китайцы располагали к себе своим трудолюбием и миролюбием, но пугали масштабами своего участия в общем трудовом процессе.

См., например, как пишет о китайцах русский путешественник и исследователь начала XX в. А.А. Кауфман после посещения Амурского края: «...никого не трогают, не пьянствуют, как наши брат русский рабочий; нетребовательны, работаючи – только цену русским рабочим сбивают». Это, быть может, главная причина той готовности, с которой русские жители Приамурья в 1900 году приняли участие в «усмирении» попадавших им под руку, нередко и вполне мирных, китайцев»⁴ [7, с. 6].

Или: «Говорят о них (китайцах – Е.О.) все без исключения чуть что не восторженно. Один расхваливает честность китайского рабочего, его верность данному слову, его методичность и аккуратность, другой рассказывает чудеса о земледельческом и огородном хозяйстве китайцев. «Не им у нас культуру перенимать, а нам у них», – говорит пассажир,

⁴ Речь идет об Ихэтуаньском восстании в Северном Китае в 1899 – 1901 гг.

едущий из Кяхты, и рассказывает, как около Кяхты китайцы на голом песке развели превосходные огороды. Третий распространяется насчет коммерческих способностей китайцев: «Появится китаец в деревне, товару у него на пять рублей, а через два-три года, глядишь, еврей бежит из этой деревни – ему не выдержать конкуренции китайца». И среди восторгов явственно проглядывает страх перед «мирным нашествием желтой расы», от которого местные люди не рассчитывают отбиться так легко, как в девятисотом году отбились от вооруженного нападения [7, с. 18].

Или: «В Хабаровске, да пожалуй и везде на Дальнем Востоке, мужик – это не тот «мужик», который кормил двух генералов в известной щедринской сказке. Обязанности этого мужика на Дальнем Востоке всецело перешли к китайцу, который кормит здесь не только генералов, но пожалуй что и того русского мужика-переселенца, который таким франтом разгуливает по улицам Хабаровска или Владивостока. «Китайский вопрос» – это больной вопрос у нас на Дальнем Востоке: бесправный, презираемый, отовсюду изгоняемый, китаец, однако, побивает всякую конкуренцию на почве упорного, методического труда, ограниченности своих потребностей и векового приспособления к условиям местной природы и хозяйства. И вот, одни придумывают всяческие способы, чтобы оградить Уссурийский край от мирного, но неудержимого нашествия «желтой расы»; другие хотят, напротив, взять с нее все, что она может дать, и воспользоваться ее руками для упрочения в крае русской культуры и русского благосостояния. Третьи – и очень многие – рассуждают приблизительно так, как рассуждал печатно один очень известный и даже весьма культурный местный коммерсант: он горячо доказывал необходимость допущения в край китайцев как земледельцев и чернорабочих, но не с меньшею горячностью требовал самых решительных мер против китайских «купецза», осмеливающихся – не страшно ли, в самом деле, подумать! – продавать товары значительно дешевле, нежели это благоугодно владивостокским и благовещенским монополистам» [7, с.107-108].

Китайцы и маньчжуры были прекрасными земледельцами, и их способы возделывания земли отличались от традиций славянского земледелия: выращивание злаковых и овощных культур маньчжурским способом было более трудоемким (поэтому русские земледельцы не хотели перенимать маньчжурский земледельческий опыт), но в то же время и оптимальным в дальневосточных климатических условиях:

«Пашни по преимуществу обычного крестьянского типа; местами однако поля разработаны по-китайски, правильными грядками или гребешками, с посевами кукурузы, бобов, чумизы и с обязательною полоскою мака» [7, с. 140]. Вот что говорят сами русские крестьяне о китайцах-арендаторах и их культуре: «– Шибко хорошо для земли, – говорят они, – не выпахивается, пятьдесят лет пашню пахать можно; у них ведь, где нонче борозда, там на будущий год грядка с хлебом – вроде, значит, пара выходит, земля силу и держит. Для дождей тоже хорошо; по здешнему месту хлеба всё больше дождями портит: как польют дожди – хлеб поляжет да подопрет, а у них сколько дождя ни выпадет – все по бороздам стечет, да ветром обдует, хлеб и не ложится. А ежели и полег, тоже такой вреды нет, как на наших полях.

Как ни хороша китайская культура, однако сами петропавловцы ее не перенимают: «Нам, – объясняют они, – ихние порядки не годятся: китаец – он весь на пашне, и умирает

на пашне, то он ее полет, то пропахивает, то мотыжит, а нам этого нельзя, особливо ежели который одинокий, и без того не успеваем с сеном убраться, так где уж тут поихнему землю работать!..» [7, с. 141-142].

Кроме земледелия, занимались китайцы и своими национальными промыслами: добывали женьшень в амурской тайге, охотились на тигра, о чем также сохранились воспоминания современников.

Восстание ихэтуаней в Северном Китае, начавшееся в столичной провинции Чжили, а через месяц после начала – в июле 1900 г. – достигшее русской границы [8, с. 53] и проявлявшееся там наиболее ожесточенно из-за противоречивых интересов России и Китая в борьбе за Амур, не изменило массового отношения к китайцам как к трудолюбивой нации, пребывание которой на Дальнем Востоке России необходимо и не представляет значительной опасности.

Самым трагическим событием этой войны было насильственное выселение китайцев из Благовещенска в июле 1900 г. из-за опасений внутреннего китайского восстания [8, с. 58-59]. Выселение носило жестокий характер, а потому вызвало чувство вины у русской части населения и обострило понимание необходимости китайского присутствия в регионе:

«Но теперь китайские кварталы опустели, китайские деревни выжжены, а обитатели их либо перебиты и перетоплены, либо ушли за Амур, на китайскую сторону. Впрочем, Благовещенск недолго будет обходиться без китайцев: уже и теперь, меньше года после погрома, множество китайцев расхаживает по Благовещенским улицам, и мало-помалу они, конечно, опять обоснуются в городе и около города, опять сделаются главными поставщиками рабочей силы и разнообразных, особенно огородных, продуктов. А пока что благовещенцы без китайцев кряхтят и охают: в городе ни за какие деньги нельзя достать никакой зелени, кроме лука, проросшего на разоренных китайских огородах, яйца, которые китайцы продавали по 10-15 копеек, теперь от 30 до 50 копеек, а зимою стоили и до рубля десятков. Страшно вздорожал всякого рода труд: из китайцев благовещенцы брали домашнюю прислугу, дворников, чернорабочих, китайцы были дешевыми и аккуратными плотниками, каменщиками, малярами, печниками, и с уходом их за всякого рода поделки приходится платить буквально втридорога. Вообще в Благовещенске «без китайцев жить нельзя», в этом согласны, по-видимому, все благовещенские обыватели. Продолжает волновать благовещенцев и прошлогодняя «переправа», или расправа с китайцами. Одни оправдывают или извиняют ее, другие резко осуждают, но все, кто более, кто менее, конфузятся, всем хочется знать, «что говорят об этом», и все признают, что под флагом предупреждения и усмирения немало ненужно-жестокое и возмутительное» [7, с. 22].

См. также следующее высказывание одного из современников тех событий, переданное Кауфманом:

«– А знаете ли, – добавил рассказчик, – хорошо ведь китайцы с нашими казаками жили, дружно, накануне еще некоторые сюда в гости приходили: «не знаем, говорят, как мы ваша воевай буди». Можно было с китайцами жить по-соседски, только обижать их не очень. Вот наши раддевские всегда и косили у них, и скот пасли за Амуром – из наших никого и не тронули, даже когда начались беспорядки в Маньчжурии. Екатерино-Никольским, тем спуску китайцы не давали, потому те сами только и норовили, как бы китайца пристрелить да ограбить...» [7, с.97].

Множество примеров межнационального общения мы можем встретить в газетах начала XX в. См., напр., несколько комическое сообщение об упившихся незаконно переправленной маньчжурской ханшиной жителях Благовещенска в «Амурской газете», вышедшей в 1902 г.:

«16 ноября на реке Амуре против Станичной улицы у переправлявшихся в этом пункте китайцев в 4 часа вечера отобрано и вылито в яму до сорока лонков ханшины. Узнав об этом радостном событии, некоторые любители до выпивки из окрестных жителей с жадностью накинулись на источник, ложились на животы и пили, таскали ведрами, котелками, бутылками, черпали ковшами и т.п. Одним словом, дошли до состояния добравшихся к хорошему корму свиней. В результате до поздней ночи здесь раздавались песни, производилась пляска, ругань и драка. В числе упившихся с неба свалившейся ханой наблюдались дети и подростки. На завтра, т. е. в воскресенье, 17 числа, многие из накануне упившихся ходили опохмеляться и за недостатком ханшины, исчезнувшей за ночь, лизали лед языками, ели снег и т. п.»[9].

1.2. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе в 20-30 гг. XX в.

1.2.1. Китайцы на Дальнем Востоке России в 20-30 гг. XX в.

В послереволюционное время Российский Дальний Восток оставался чрезвычайно пестрым по национальному составу регионом, где активно контактировало разноязычное население: славянское – переселенцы и их потомки из России, Украины, Белоруссии; азиатское (так называемые «восточники») – китайцы и корейцы; аборигенное – нанайцы, удэгейцы, эвенки и др.

Численность пришлого китайского населения была значительной и постоянно менялась вслед за изменениями в российском обществе и в отношениях между Россией и Китаем.

В начале XX в. в связи с печальными событиями 1900 г., когда русско-язычное население Амурской области самочинно расправилось с мирными китайскими земледельцами и торговцами, произошел отток китайцев из Дальневосточного региона. Если в начале 1900 г. китайцев в крае насчитывалось около 23 тыс., то в 1901 г. их осталось всего 6 тыс. [10, с. 40]. Однако уже после 1905 г. приток китайцев в регион усилился, и, по официальным данным, в Приамурье и Приморье в 1910 г. находилось уже около 90 тыс. китайцев, а «фактически намного больше; подсчитать их не представлялось возможным, поскольку большинство прибывало в регион нелегально и нигде не регистрировалось» [11, с. 62].

Особенностью китайской иммиграции на Дальнем Востоке был ее временный характер (в отличие от корейской, например) [10, с. 40; 12, с. 14; 13, с. 163]. Китайцев не рассматривали в крае как колонистов. «Китайские рабочие, не задерживаясь надолго в крае, не создавали проблем с местным населением: они выполняли наименее квалифицированную работу в промышленности – именно ту, на которую русские рабочие, подчас имея какую-то, пусть небольшую, квалификацию, не соглашались (напр., в золотопромышленности, на частных предприятиях, где в основном применялся мускульный труд)» [13, с. 163].

В 20-е гг. численность китайского населения составляла в среднем 55 тыс. человек. По данным исследователей, на 1 января 1933 г. китайцев насчитывалось 57711 чел., в том числе

20709 рабочих, 158 служащих, 2975 колхозников [10, с. 40-41]. По другим данным, китайская община в советской России в 20-30-е гг. XX в. насчитывала более 100 тыс. человек [14, с. 171].

После 1917 г. присутствие китайцев в крае не воспринималось так напряженно, как до революции: идеи интернационализма, воспитания нового человека, «которому будет чуждо чувство великодержавного шовинизма, антисемитизма и местного национализма», как указывала Т.А. Лескова, прочно завоевывали позиции [15, с. 371]. Советская власть пропагандировала отношение к китайцам как к части мирового пролетариата.

Применение китайской рабочей силы в условиях ее дефицита на Дальнем Востоке в 20-30-е гг. XX в. было насущной необходимостью. Китайцы были заняты в сельском хозяйстве: выращивали зерновые и занимались огородничеством – возделывали пшеницу, чумизу, просо, сузу, мак, огурцы, помидоры, фасоль, сою, дыни, капусту; занимались таежными промыслами – добычей пушного зверя, пантов, струи кабарги, грибов, женьшеня и др. Некоторые из них нанимались в работники к русским крестьянам. По дальневосточным деревням было много китайских лавок, где продавали продукты, мелкую галантерею, спирт; осуществлялась китайцами и передвижная торговля, – как правило, в обмен на продукты. Некоторые китайцы держали маслобойни [12, с. 15-16]. Известно также, что китайцы выращивали опиумный мак на полях, арендуемых у переселенцев-новоселов. Нанимались они и на сезонные работы в городах.

Китайцы были активно задействованы в золотодобыче, восполняя недостаток в рабочей силе на золотых приисках: вербовку их осуществляли как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда (в Сахалине, Сычагоу, Харбине) [16, с. 379-383]. Использовался труд китайцев и в угольной промышленности. Однако в целом по сравнению с дореволюционным периодом численность китайских рабочих как в угольной, так и в золотопромышленности снижалась [13, с. 165].

20-30-е гг. XX в. – время послереволюционных перемен в жизни России, в которые было вовлечено и китайское население: партийно-советская работа, внедрение пролетарских идей распространилось и на китайцев, что определило специфику их пребывания на дальневосточных территориях России.

Исследователи указывают, что большое количество китайцев приняло активное участие в гражданской войне на стороне советской власти [10, с. 41]. В послереволюционный период среди корейцев и китайцев создавались комсомольские и партийные ячейки [15, с. 371], велись политпросвещение и культурная работа, обеспечивалось их участие в социалистическом соревновании [16, с. 384-385]. В 1935 г. на Дальнем Востоке на учете состояло 14 китайских колхозов [10, с. 41].

Необходимость в труде «восточников» (китайцев и корейцев) и желание приобщить их к коммунистическим идеям побуждали местные власти проявлять заботу об их культурно-общественной жизни и образовании. Так, в 1926 г. в Хабаровске был решен вопрос о создании корейско-китайской типографии [15, с. 371].

Советская власть испытывала трудности при вовлечении китайского населения в советское строительство и связывала это с низким уровнем образованности местного китайского населения. На рубеже 20-30-х гг. XX в. на Дальнем Востоке были открыты новые и рефор-

мированы старые учебные заведения для китайцев, – напр., Дальневосточная китайская советско-партийная школа и постоянно действующие курсы для подготовки и переподготовки китайского партийного и комсомольского актива [14, с. 172-173]. Однако коренных изменений в этом направлении не произошло, и исследователи связывают это с особенностями китайской общины в России и спецификой русско-китайских отношений в регионе [14, с. 174].

Во второй половине 30-х гг. наметилась четкая тенденция к уменьшению численности китайцев на Дальнем Востоке, отчасти обусловленная и политикой местных властей к вытеснению китайского населения за пределы региона [10, с. 41]. Одной из причин этого было политическое положение России на Дальнем Востоке в то время: боязнь шпионажа, невозможность использовать китайское население для защиты СССР [13, с. 163].

Политика возвращения китайцев на родину стала проводиться правительством СССР в 30-е гг. По переписи населения 1937 г. китайцев насчитывалось 38,5 тыс., в том же году китайцы были в большинстве своем выселены в Китай, а около 10 тыс. репрессировано [11, с. 62]. Таким образом, территория края освобождалась от «неблагонадежных, классово чуждых элементов» [10, с. 41-42].

Тем не менее неофициальные контакты между русскими и китайцами на приграничных территориях не были прекращены, несмотря на запреты властей и охрану государственной границы. Осуществлялся обмен товарами между русским и китайским населением, случались и смешанные браки. Об этом свидетельствуют воспоминания старожилов современных амурских сел.

См., напр., воспоминания Поздняковой Любови Григорьевны, 1921 г.р., жительницы села Красный Луч Архаринского района Амурской области, записанные нами в 2003 г.:

Китайцы (...) зимой-то ходили, зимой ходили, вот. Перяходили и, эта, жили оны, как перейдут. Оны оттуда нясуть спирт, нясуть, эта, самогонку, и всё такая банки пудовые на плячах, вот, нясуть. А куда? В Казановку. Отсюда у их тропочка была до Казановки. В Казановке там шкуры бяруть овчинные, лисие, барсучие, тама, эта, набирають, нясуть у китайщину. Конечно, солдаты поймають, эта, всё отбирають, вот, а куда, хто их знае, куда? (...). Оны (китайцы) чёрные. Оны по-своему гиргочать, вот. Я сама грэшная, ходила раза тры на тую сторону. Ёны очень чистоплотные. (...). У их хоть зямлянка, вот, выкопанные зямлянки такыя исделаны, ну очэнь чисто. В складах у их чисто. По эту сторону ляжить крупа, на эту мука ляжить, тут проходка такая, вот. В дру́гий склад прыходишь, там ляжить сахар, вот сахарын, вот чай. А чай плитами, вот такыя вот плиты, вот такыя толицной. (...). У каждого магазин свой, вот. Материю какой хочешь, и платки, и всё, вот. (...). А эта, я хóдила... мы хóдили, зимой хóдили туды (в Китай – Е.О.). Нас отец покойный отвязёт, и, эта, с китайцем мы хóдили. Китаец день ляжить под койкой, вот, чтоб солдаты... Ша! – вечером: «Запрягай, батька, коня». И нас вязёт, до Амура дово́зе, мы пошли. Ну, конечно, зимой идёшь, вот тут ямка, тут крига. Идём, идём: «Ложись!» «Как?» «Солдаты едут!»». Тут отъедут, вот, поляжишь, он опять послухае: «Пойдём». Ну, перяходишь. Оны вот сечас живут по берягу, тут построены дома, а раньше за сопкой жили. За сопку и над сопку на етую залазышь, туды спускаеся, и там ровчачок такой, с Амура протока проходе. Ну, ров, ну вода проходя к им. И оны там живут, и тут понабираеешь уже. Оны по-своему гиргочать, оны не разговаривали. Гр-гр-гр – вот и понимай, как хочешь.

Оны по-русски не говорили, нет. Ночь поночуешь там, набярёшь, это, всяго товару, вот, и спирту всяго и, эта, уходишь оттуда. (...). А деньги... Мы без денех. Вот просто мы отсюда набирали яйцы, курэй дяржали мы много. Отец был охотник у мене покойный, и он набивал птиц, а здесь птиц очень много былó, вот, косачей, всяго набивал... Мы туды мясо, оттуда товары нясли, вот так, взамен, взамен, и так мы жили. Жили хорошо мы. (...).

Хванза (фанза), хванза – это у их дом. Заходишь, у их ну как бы дверы, вот так – дверы. Вот заходишь туды, вот тут так нары, китаешка сидит тут. Я уже тры разы ходила, я уже видела: у китаешки ноги вот такие маленькие. Ляжат китаичаты, двое, третья маленькая, ёна (китаянка) держит. Китаец сам, эта, старый, вот, коса вот такая, до задницы, да толстая, сивая, заплётена. Вот ён готовить, а ёна сидит с дятями. Плита вот, бак стоит, вода кипит у этом баке, на этом баке сетка такая положена, вот, а на плите тут варя ён. Чё уже ён варя, я ня знаю. У их первая закуска – лягуши, вот. (...). Так мы ня ели, вот, ночевали с сястрой, но мы ня ели. (...). Но мы ня спали, мы боялися, всё-таки чёрт знае. И в трэтий раз и пошла моя сестра-покойница, и она уже, эта, познакомилась. Китаец хотел её взять, вот, с собой. Дак мы уже не боялися. Иваном яго звать былó, вот дак мы не боялися, у яго мать русская, отец китаец был [17].

1.2.2. Русские в Маньчжурии в 20-30 гг. XX в.

Другим аспектом русско-китайского (шире – славяно-китайского) взаимодействия в 20-30 гг. XX в. на Дальнем Востоке и в Приамурье, в частности, было переселение части русского населения в Китай. Переселение носило вынужденный характер и по сути являлось бегством зажиточной части населения в приграничный Китай с целью избежать репрессий со стороны властей и раскулачивания.

Известно, что в Китае, в районе так называемого Трехречья – долине рек Ган, Дербул и Хаул – к середине 20-х гг. XX в. существовало 19, а по другим данным – 25 русских поселений [8, с. 134]. Русское население Трехречья в 20-е гг. составляло до 5 тыс. чел., в 1939 – 6 800 чел., в 1945 г. – 11 тыс. чел. Беженцами в Трехречье в основном были забайкальские казаки, покинувшие свои родные станицы. См., например, публикацию в одном из значимых для русской восточной эмиграции изданий – журнале «Рубеж» – о Трехречье:

«На западе Маньчжурии, к северу от линии ж. д., между реками Ганн, Дербун и красавицей Аргунью, плавно несущей свои прозрачные волны в зарослях тополя и ивника, разметался привольный край, называемый русскими Трехречьем... <...>. Нужно сказать, что жители русского берега Аргуни всегда тяготели к «китайской стороне» и, когда грянула революция и после отчаянной борьбы всеудушающий большевистский строй утвердился в Забайкалье, Трехречье увидело у себя русских беженцев. Это были бежавшие от преследований новой власти забайкальские казаки, перешедшие границу со своим скотом и осевшие на привольных трехреченских землях» [18].

Много бежавших из России русских поселилось и по другую сторону Амура, в приграничных китайских селах.

Эта страница российской истории, связанная с русской эмиграцией в Китай, до настоящего времени остается практически закрытой. Ведь восточная ветвь русской эмиграции не исчерпывается диаспорами наших соотечественников в крупных городах Китая – Харбине,

Шанхае, Тяньцзине – и по линии КВЖД. В последние годы стали появляться публикации в центральных и региональных СМИ о русских в Китае и их потомках, проживавших в XX веке по другую сторону границы [См. 19; 20]. Приграничная эмиграция получила эстетическое осмысление и в некоторых произведениях русских литераторов восточного зарубежья, в частности А. Несмелова. Так, его повесть «Драгоценные камни» [21], как и рассказ «Ламоза» [22], – о судьбах потомков русских в Китае, теряющих свою национальную идентичность. Повесть впервые опубликована в 1943 г. в еженедельном литературно-художественном журнале «Рубеж» (№ 32-33) [23, с. 723]. Ее главная героиня – Вера – русская девушка, чья история – «не единичная в Маньчжурии»: «...в дни бегства русских из-за Амура от красных эта девушка, тогда еще ребенок, скрылась с матерью, а может быть, и с отцом на китайскую сторону. Отец умер или был убит, а мать стала женой китайского крестьянина. За следующие годы девочка, жившая в этом глухом углу, если и видела русских, то это были только красные во время их набегов на маньчжурскую сторону. И страх ее, как и всего населения деревни, перед «ламозами»⁵ вполне понятен. Собственное же русское происхождение ей только в тягость, и она, бедная, всячески старается его скрыть, насколько это возможно, для чего и красит свои, судя по ее ресницам и голубоглазости, светлые волосы». Несмелов пишет от имени своего героя также и о большом количестве встреченных ими за свой путь от Сахалина⁶ «белокурых и сероглазых китайчат, ни слова не говорящих по-русски»⁷.

Указанные произведения А. Несмелова – о необходимости приспособления к жизни в совершенно иной социокультурной и языковой среде.

Известно, что в Китае, в приграничных селах и городах, в настоящее время проживают потомки бежавших в 20-30-е гг. из Советской России русских. Они рождены в смешанных браках, пережили Культурную революцию. По-русски эти люди не говорят или говорят плохо, их дети и внуки также не знают русского языка [19]. Мы не располагаем данными об их численности в приамурских китайских селах, однако есть сведения о примерной численности подобного контингента населения в другом, находящемся недалеко от границы с Россией регионе – на северо-западе Китая: в городе Урумчи и его окрестностях проживает 20 тыс. потомков от смешанных браков русских и китайцев. Их предки – русские казаки, ушедшие

⁵ Ламоза – кит. просторечн. «русский». «Русские дети в Маньчжурии иногда попадали в китайские семьи и воспитывались в них, однако кличка «ламоза» обычно так и оставалась с ними на всю жизнь. На Северо-Востоке Китая русских и сейчас называют ламозами» [24, с. 525]. Слово **ламоза** имеет коннотацию «презрительное» в отличие от слова **капитан** «белый человек, европеец, «хозяин» (уважительное), также используемого китайцами для обозначения русского [23, с. 723]. Другое значение слова **ламоза** – «большевик» («да и пугают тут ребят ламозами, то есть большевиками» [21, с. 487]. «Словами «ламоза лайла» – русский пришел – китайки пугали своих капризничавших детей <...>. ...с именем «ламоза» сочеталось представление о людях, наделенных колдовской силой, о людях страшных, пугающих, о которых взрослые говорили недоброжелательно» [22, с. 509].

⁶ Сахалин – старое название современного города Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян, Китай), находящегося на правом берегу Амура напротив Благовещенска.

⁷ См. о судьбе русского мальчика, описанной в рассказе А. Несмелова «Ламоза»: «Много лет назад в Маньчжурю бежал один русский человек с женой и ребенком. Проводником их был китаец. Когда четверо этих людей подходили к реке, разделявшей владения России и Китая, их увидели русские пограничники и стали по ним стрелять. Женщина с ребенком на руках и китаец успели благополучно перебежать через реку (это было зимой, реку покрывал лед), а мужчина упал на русском берегу, раненный пулей. Услышав его крик о помощи, женщина, бывшая уже на китайской земле, передала ребенка в руки проводнику, а сама бросилась обратно, на русскую сторону, чтобы помочь своему мужу. Оба они были схвачены русскими солдатами, ребенок же остался в Китае. И на другой день Чжан, случайно оказавшийся в этих местах, купил его у проводника, так как не имел мужского потомства» [22, с. 512-513].

из России в 20-е гг. [20]. Известно также, что и в районе Трехречья в селах Драгоценка, Дубовое и некот. др. в настоящее время также живут потомки русских казаков.

1.3. Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе во второй половине XX в.

1.3.1. Русские в Маньчжурии во второй половине XX в.

В 50-е гг. и в начале 60-х гг. XX в. – до Культурной революции в Китае – в отношениях между Россией и Китаем наступила своего рода «оттепель», и этот период прошел под лозунгом «Русский и китаец – братья навек», который стал афоризмом своего времени. Причиной такого потепления в межгосударственных отношениях была помощь Советского Союза в освобождении Маньчжурии в 1945 г. от японской оккупации, а также дорогой подарок Страны Советов Китаю в виде Китайско-Восточной железной дороги, которая была построена русскими в начале XX в. и которая, согласно договору 1896 г. между Китаем и Царской Россией, должна была находиться 80 лет в совместном пользовании двух стран, но в 1952 г. была безвозмездно передана в пользование Китаю.

Китай того времени дружно учил русский язык (он преподавался как иностранный в средних школах и высших учебных заведениях), и в настоящие дни еще живо поколение китайцев, помнящих со своих школьных лет хоть несколько слов на русском языке.

Государственные границы России с Китаем в то время обрели некоторую условность. Так, по воспоминаниям благовещенцев старшего поколения, на льду Амура русские из Благовещенска и китайцы из находящегося по ту сторону реки Хэйхэ встречали Новый год, катались с горок, устраивали гулянья под гармошку, а в семейных альбомах хранятся фотографии домашних праздников, запечатлевшие участвующих в застолье друзей-китайцев. Это время на приграничных территориях также можно охарактеризовать как своеобразную «оттепель».

К сожалению, в настоящий момент мы не располагаем документальными материалами об особенностях языкового общения между русскими и китайцами в 50-е-60-е гг. XX в., о смешанных браках этого времени. Поиск и комплексный научный анализ этого материала является ближайшей перспективой нашего исследования, поэтому ограничимся лишь общей характеристикой этого периода.

Ситуация резко изменилась к 1966 г., когда в Китае случилась Культурная революция. В стране сложилась обстановка нетерпимости ко всему «культурному», инациональному. Так, быть русским и говорить по-русски во время Культурной революции стало опасным.

Именно в Культурную революцию совершались надругательства над православными святынями в Харбине – городе русских эмигрантов, выстроенном ими в связи со строительством КВЖД: был разрушен хунвэйбинами Николаевский собор – главный православный храм Харбина, в Свято-Покровской церкви под куполами занимались цирковые акробаты, последние русские подвергались унижениям на улицах Харбина, были вынуждены прятаться [25]. Многофункциональный на протяжении всего XX в. в Харбине русский язык [26, с. 27-37] стал средством общения лишь в диаспоре – узком социальном коллективе русских. Потомки от смешанных браков в Харбине в то время старались дистанцироваться от русской

диаспоры и идентифицировали себя как принадлежащих к китайской нации с целью избежать гонений от официальных властей. Позднее, в 80-е гг., жизнь диаспоры нормализовалась, но русский язык так и остался средством общения внутри диаспоры, выполняя, кроме прочих, очень редкую языковую функцию – этническую.

Во время Культурной революции перестала звучать русская речь и на пограничной с Россией китайской территории, где проживали оказавшиеся там по разным причинам русские (бегство от советской власти в 20-30-е гг., смешанный брак и др.). Владеть русским языком и относиться к этнической группе русских было небезопасно, и для самосохранения ушедшие в Китай русские в то время по-русски не говорили. Безусловно, это обстоятельство повлекло за собой постепенную утрату родного русского языка и у исконных русских, и у их потомков, рожденных в смешанных браках.

Военные конфликты на границе России с Китаем в конце 60-х гг. XX в. лишь усугубили неблагоприятную ситуацию с национальной идентичностью русских, проживающих в приграничном к России Китае, и их русским языком. Русский язык в таких условиях безнадежно утрачивался, и даже новое урегулирование отношений между двумя государствами, следовавшее за периодом отчуждения и военных конфликтов, не исправило ситуации.

В настоящее время, в начале XXI в., оставшиеся в приграничном Китае русские в целом демонстрируют плохое владение русским языком, а их потомки не говорят по-русски, если только не изучали русский язык специально для использования его в своей профессиональной деятельности.

С другой стороны, в современный период, характеризующийся толерантностью российского и китайского государств к этнической принадлежности своих граждан, наблюдается всплеск этнического самосознания у потомков, рожденных в смешанных браках как в Китае, так и в России. Это проявляется, например, в поиске своих китайских или русских родственников, в желании выяснить свою родословную, составить семейное древо, а также в стремлении выучить язык своих предков в память о них, в желании связать свою жизнь и жизнь своих детей с родиной предков.⁸

Интересен и достоин уважения факт проявления этнической толерантности на государственном уровне: некоторым китайским приграничным селам⁹, в которых ранее проживало по несколько сотен пришедших в 20-30-е гг. из России русских, присвоен статус национальных сел. Этим селам ежегодно выделяется один миллион юаней из государственного бюджета для поддержания их благосостояния [19].

1.3.2. Китайцы на Дальнем Востоке России во второй половине XX в.

С 90-х гг. XX в. увеличивается численность китайцев на территории Дальнего Востока. Это связано с нормализацией китайско-советских, а затем китайско-российских отношений и связанным с этим облегчением пересечения границы. Высокая доля Китая в миграционном процессе на Дальнем Востоке определяется «его географической близостью к России; наличием одной из самых протяженных границ; геополитическим положением Дальнего Востока,

⁸ См. материалы о Чжао Минся в настоящем выпуске альманаха.

⁹ Например, село Хатаян, находящееся в 30 километрах от города Хэйхэ

удобным для транзитного перемещения; высоким уровнем незанятого населения в приграничных районах Северо-Восточного Китая, в том числе провинции Хэйлунцзян; внешнеэкономической стратегией Китая, направленной на поддержку экспорта рабочей силы; преобладанием экономических мотивов в международных миграциях в приграничных регионах Дальнего Востока» [27, с. 309].

На Дальнем Востоке России сейчас широко применяется китайский труд, главным образом в торговле и общепите, в строительстве и сельском хозяйстве, причем в этих сферах велика доля ручного труда.

Как указывают исследователи, в первоначальный период основная масса мигрантов приезжает на время, чтобы поддержать свои семьи на родине. Но, как правило, с течением времени формируются постоянные общины, что способствует развитию китайской диаспоры на пограничных российских территориях [28, с. 321].

Демографический дисбаланс (на юге Дальнего Востока России проживает 5 млн. человек, а в трех приграничных провинциях Китая – 107 млн.) может инициировать постепенное наращивание демографического давления со стороны Китая и привести к китайской экспансии на территории России [28, с. 322-323]. Проблемы такой экспансии на протяжении ряда лет обсуждаются российской общественностью, но не имеют однозначного решения. Между тем объем китайских товаров на российском рынке увеличивается, на Дальнем Востоке остается очень развитой сеть китайских рынков; увеличивается и китайское население в городах [29, с. 324]. Китайские товары заполнили российский рынок; очень развитой остается сеть китайских рынков и торговых центров на Дальнем Востоке. В дальневосточных городах оседает все больше китайцев, многие из них заняты сельскохозяйственным трудом на российской территории.

По данным МВД, в 2001 г. на Дальнем Востоке официально зарегистрировано 237 тыс. китайских граждан, а количество нелегально пребывающих колеблется от 400 до 700 тыс., однако точных данных нет [29, с. 324].

Есть и другие данные, несколько отличающиеся от представленных выше. По данным Федеральной миграционной службы, в 2007 г. на территории Амурской области проживало 12,7 тыс. иностранцев, главным образом, китайцев, имеющих разрешение на занятие трудовой деятельностью (при общей численности населения области около 800 тыс. чел.), а вид на жительство имели 83 гражданина КНР [30]. Столь противоречивые сведения (даже если учитывать, что одни цифры характеризуют Дальний Восток в целом, а другие – Амурскую область) однозначно свидетельствуют о присутствии китайцев в дальневосточном регионе, но не определяют действительного масштаба этого присутствия.

Исследователи отмечают психологическую комфортность китайских граждан на дальневосточных российских территориях. Отчасти это происходит из убеждения, что дальневосточные территории исторически принадлежат Китаю, а царская Россия вооруженным путем захватила их. С этим связаны и «ошибки» на китайских географических картах, где участки российской территории оказываются на китайской стороне [29, с. 326], а Айгуньский договор до сих пор считается национальным позором Китая [31].

Лингвоперсоналогический аспект межъязыкового взаимодействия

2.1. Ситуативная и персоналогическая составляющие межъязыкового взаимодействия

Межъязыковое взаимодействие проявляется прежде всего на уровне языковой личности, и, безусловно, лишь совокупность лингвоперсоналогических характеристик позволяет говорить о результатах межъязыкового взаимодействия как социолингвистических фактах.

Социолингвистический ракурс рассмотрения межъязыкового взаимодействия высвечивает ситуативную и персоналогическую составляющие в объекте исследования. Каждая из этих составляющих, в свою очередь, демонстрирует свой результат межъязыкового взаимодействия.

Русско-китайское взаимодействие в дальневосточном регионе в ситуативном плане демонстрирует функционирование на этой территории контактного языка – русско-китайского пиджина, который возникает всякий раз при возобновлении контактов между двумя государствами в ситуациях неофициального общения русских и китайцев примерно в одном и том же по своим лексико-грамматическим характеристикам облике. История возникновения и собственно языковые особенности различных территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина подробно описаны нами в [2].

Персоналогическая составляющая межъязыкового взаимодействия проявляется в такой характеристике языковой личности, участвующей в межъязыковом взаимодействии, как ее языковая компетенция. Языковая компетенция носителя языка рассматривается нами как совокупность языков и их форм, находящихся в активном и пассивном владении языковой личности. Под активным использованием языка мы понимаем говорение на нем в различных коммуникативных ситуациях, пассивное же использование предполагает понимание речи на языке, а способность говорить проявляется слабо либо утрачена вовсе.

2.2. Языковая компетенция личности в смешанном браке и обуславливающие ее факторы. Уровни языковой компетенции

Условия приграничного существования русского и китайского населения неизбежно приводили и к более стабильным и прочным формам его взаимодействия, чем ситуативное прагматически направленное деловое (торгово-предпринимательское) общение, сопровождавшееся пиджином как средством коммуникации. Стабильной формой межэтнического взаимодействия в дальневосточном регионе являлся (и является) **смешанный русско-китайский брак**. Следует отметить, что модель смешанного русско-китайского брака асимметрична и соответствует в подавляющем большинстве известных случаев следующей схеме: муж-китаец – жена-русская. Другими словами, китайские мужчины брали замуж русских женщин, русские же мужчины на китайках женились очень редко.

Представляет безусловный научный интерес исследование языковой компетенции членов таких семей. Априори определим круг факторов, способных повлиять на уровень языковой компетенции членов семей, сложившихся в результате межэтнических браков.

Во-первых, место (страна) проживания семьи. В нашем случае – это Россия или Китай. Полагаем, что сильным членом оппозиции из двух языков, являющихся родными для вступивших в смешанный брак, будет язык, совпадающий с языком страны проживания супругов, поскольку он будет поддерживаться ситуациями официального и неофициального общения вне семьи и, следовательно, вынужденно доминировать в речевой практике. Обычно этот язык становится языком домашнего общения, на нем говорят с детьми и родственниками. Язык страны проживания может входить в состав языковой компетенции супруга нетитульной национальности, а может и отсутствовать, снижая ее уровень.

Во-вторых, общественно-политическая обстановка в стране проживания вступивших в смешанный брак и проводимая этой страной языковая политика. Лояльная по отношению к лицам нетитульной национальности языковая политика способствует сохранению родного языка супруга, живущего вне этнической родины, и, следовательно, поддерживает высокий уровень его языковой компетенции.

В-третьих, для сохранения носителем своего родного языка вне этнической родины важно наличие среды родного языка, выходящей за рамки семейного круга: например, общение с соотечественниками схожей судьбы на языке своей родины. Коммуникация на родном языке в своей этнической группе способствует сохранению этого языка личностью в пределах своей языковой компетенции.

В-четвертых, сохранению родного языка вне этнической родины способствует осознание высокого социального и культурного статуса языка, престижности знания этого языка его носителем, что также поддерживает высокий уровень языковой компетенции личности.

Максимальный уровень языковой компетенции личности, вступившей в брак с лицом другой национальности и говорящей на чужом языке, может быть выражен как $1/1$, где 1 – родной язык и 1 – родной язык супруга.

Такой уровень языковой компетенции может быть достигнут личностью, во-первых, если страной ее проживания является страна супруга и постоянное нахождение в чужеродной языковой среде способствует изучению языка страны, являющейся родиной супруга; во-вторых, если на родном языке возможно общение в группе этнически близких людей, а также если отсутствуют ограничения и запреты на такую коммуникацию со стороны государства, что в совокупности способствует сохранению родного языка в арсенале языковой личности. Кроме того, поддержанию максимального уровня языковой компетенции способствует такой субъективный фактор, как признание высокого социально-культурного статуса обоих языков: родного и языка супруга.

Уровень языковой компетенции личности по набору языков, находящихся в ее арсенале, может быть максимальным, но степень владения этими языками при этом может быть неодинаковой в пользу, как правило, родного языка.

Минимальный уровень языковой компетенции личности, вступившей в брак с лицом другой национальности и говорящей на своем языке, может быть выражен как $1/0$, где 1 – родной язык личности, а 0 – родной язык супруга. Личность с таким уровнем языковой компетенции не знает родного языка своего супруга. Это возможно, если второй супруг владеет неродным для себя языком, как правило, являющимся в такой ситуации и языком страны проживания супругов, и домашним языком, и, кроме того, обладающим достаточно высоким социально-культурным статусом.

Безусловно, эти общие схемы могут быть представлены различными своими вариациями, обусловленными сочетанием конкретных исторических обстоятельств и персональных характеристик языковых личностей. У потомков, родившихся в смешанных браках, данные схемы, характеризующие их языковую компетенцию, могут быть представлены в трансформированном виде.

2.3. Краткая характеристика языковой компетенции потомков от смешанных браков русских и китайцев в условиях российско-китайского приграничья

2.3.1. Языковая компетенция потомков русских в Китае

Потомки от смешанных браков русских и китайцев на приграничных территориях обладают, как правило, минимальным уровнем языковой компетенции и показывают владение языком, совпадающим с языком страны проживания, являющейся в настоящее время их родиной. Возникает вопрос о причинах данного явления, о том, насколько такое положение дел естественно.

В нашем распоряжении оказались записи речи некоторых потомков от смешанных браков во II поколении [32], а также мы использовали материалы современных средств массовой информации [19; 20].

Кратко охарактеризуем несколько языковых личностей, сформировавшихся в русско-китайском приграничье в XX в.

Николай, 1940 г.р., проживает в китайском селе на берегу Амура (*метис во II поколении*).

Отец – русский, в 1937 г. бежал из Пояркова (Амурская обл.) в Китай после расстрела двух своих братьев.

Мать – «полукровка» – метиска, рожденная в русско-китайском браке.

До 10 лет Николай говорил по-русски. В настоящее время говорит по-китайски, русский язык не помнит.

Имеет троих детей. Дети русского языка не знают (*II поколение метисов*).

Мария, родилась в 20-х гг. XX в., проживает в китайском селе на берегу Амура (*I поколение метисов*).

Отец – китаец, мать – русская, из села Коршуновка (Амурская обл.).

Мать в 20-е гг. вышла замуж за китайца.

Мария говорит по-китайски, это ее основной язык. По-русски она тоже говорит, но плохо. По собственному признанию, «мамкин язык забыла», «сорок лет не говорила по-русски, с того дня, как мама умерла».

Муж Марии – **Николай** – «полукровец», 1927 г.р. (*I поколение метисов*). Муж говорит по-китайски, по-русски не говорит. Следовательно, домашний язык – китайский.

Мария с мужем имеют семерых детей. Дети заняты сельскохозяйственным трудом, русского языка не знают (*II поколение метисов*).

Борис, примерно 30-х гг. рождения, год и место рождения неизвестны, т.к. во время Культурной революции родители сожгли все документы. Живет в Китайском городе Урумчи (*I поколение метисов*).

Отец – китаец, мать – русская.

Борис говорит по-китайски. Это его основной язык. Достаточно хорошо говорит и по-русски.

Надежда, родилась в 1969 г. в городе Хума провинции Хэйлуцзян (КНР) (*II поколение метисов*).

Мать – «полукровка», родилась в Китае от русской матери (*I поколение метисов*). Отец – китаец. Говорила по-китайски (основной язык) и по-русски (язык матери).

Бабушка по материнской линии родилась в России, в семилетнем возрасте с матерью ушла в Китай. Говорила по-русски и по-китайски. В браке с китайцем родила мать Надежды.

Прабабушка по материнской линии говорила по-русски и по-китайски (плохо), «смешивает язык», как отмечала ее правнучка Надежда [32].

Основной и родной язык Надежды – китайский.

Русский язык Надежда знает на уровне, достаточном для понимания ее русской речи исконным носителем русского языка, но допускает ошибки на разных уровнях языковой системы. Надежда сознательно ориентирована на изучение русского языка в память предков – русской бабушки, русского деда, русской матери, а также с прагматической целью – жить и работать в стране русского языка. Русский язык изучала в китайской школе.

Надежда профессионально связана с Россией – руководит китайской строительной компанией, работающей на российском строительном рынке услуг, постоянно проживает в России. Оформила документы для присвоения российского гражданства.

Имеет дочь 4 лет, которая говорит и по-китайски, и по-русски, и Надежда сознательно это поддерживает (*III поколение*).

Даже примеры этих немногочисленных языковых личностей позволяют сделать некоторые выводы о языковой компетенции членов смешанных семей в китайском приграничье и ее эволюции.

В половине случаев мы видим утрату русского языка уже у детей, рожденных в смешанном браке, т.е. во втором поколении. Полагаем, что таких случаев большинство. Причины видятся в следующем.

Во-первых, для членов смешанной семьи (жена – русская, муж – китаец), проживающих в Китае, доминирующей языковой системой, обслуживающей и неофициальное, и официальное общение, является китайский язык – язык страны проживания, на территории которой проходит жизнь семьи, а родной язык при этом постепенно становится неактуальным, он утрачивает даже статус домашнего языка (русская мать разговаривает на своем родном языке с детьми, но не с мужем-китайцем; дети в таких семьях в детстве владеют двумя языками – языком матери – русским, но основным для них становится китайский язык, который они, становясь взрослее, используют в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций (см. Николай, 1940 г.р.; Мария, 20-х гг.р.; Борис, 30-х гг.р.).

Во-вторых, на забывание и утрату русского языка русскими и их потомками на приграничных китайских территориях повлияла крайне нелояльная языковая политика Китая по отношению к русскому языку во время Культурной революции¹⁰. Запрещенный язык оста-

¹⁰ «Это еще чудо, что я вообще говорю по-русски. Отец мне наотрез запрещал даже одно слово сказать. Можно было по-казахски, по-киргизски, а вот русский – под жестоким запретом! Но мама-покойница со мной украдкой все-таки разговаривала» (слова принадлежат Борису)[20].

вался в пассивном владении у оказавшихся в Китае русских, обучать же ему своих детей становилось делом безрассудным.

Указанные причины позволяют считать закономерным забывание и утрату русского языка потомками от смешанных браков русских и китайцев уже в первом поколении метисов. Языковая компетенция метисов в первом поколении: а) может быть тождественна языковой компетенции родителя титульной национальности, ее составляет владение только одним языком – китайским; б) языковую компетенцию составляет язык родителя титульной национальности – китайский (активное пользование) и язык родителя нетитульной национальности – русский (пассивное пользование).

Русский язык не был забыт теми, кто был рожден в России и для кого этот язык был родным. Они навсегда сохранили память о родине, тосковали о ней (плакала и тосковала по родине мать Марии, очень тосковал по родному Пояркову отец Николая, 1940 г.р.[19]).

Заслуживает внимания противоположный факт, когда во втором поколении метисов мы можем наблюдать тенденцию к возрождению своей этнической памяти, и это возрождение происходит главным образом через сознательное восстановление в своей речевой практике родного языка своих предков – русского языка, расширение в своей жизнедеятельности сфер использования этого языка.

Примером такой языковой личности является Надежда, 1969 г.р. Рожденная в Китае от полурусской женщины и китайца, воспитывавшаяся в участии русской и китайской бабушек, она впитывала в себя два языка и две культуры, но, естественно, с преобладанием китайской: китайский язык и культуру знает лучше, более того, ее можно рассматривать как представителя китайского этноса. Русский язык Надежды нельзя назвать безупречным, к постижению языка и глубинному знанию культуры русских она стремится.

Период формирования личности Надежды пришелся на 80-е гг., когда отношение к русскому языку и сопредельному государству в Китае стало более терпимым, а период профессионального становления нашего информанта совпал с 90-ми гг., когда контакты между нашими странами восстановились и Надежда могла связать свою жизнь с Россией.

Уровень языковой компетенции Надежды можно квалифицировать как максимальный: 1/1, где 1 – китайский язык, родной, основной, используемый во всем многообразии форм и стилистических регистров, и 1 – русский язык, язык этнических предков, широкому использованию которого она стремится.

Однако пример данной языковой личности, формирование и эволюция ее языковой компетенции имеют частный, субъективный характер и, к сожалению, не относятся к явлениям закономерным.

2.3.2. Языковая компетенция потомков китайцев в России

Факты, интересные для нашего исследования, можно отыскать и на российской территории: здесь мы наблюдаем людей с китайскими фамилиями среди благовещенцев; здесь же мы отмечаем у людей с обычными славянскими фамилиями восточные черты во внешности, выдающие их происхождение. В то же время в пограничных китайских населенных пунктах (напр., в Хэйхэ) мы встречаем мужчин и женщин славянской внешности, говорящих только

по-китайски. В любом случае это все приметы территории, на которой осуществляется активное межэтническое, а значит, и языковое взаимодействие.

Нам доподлинно известно о потомках смешанных русско-китайских браков, проживающих в городе Благовещенске. Среди них нет таких, которые выучили бы китайский язык в семье; подавляющее большинство китайского языка не знает. Некоторые учат китайский с целью профессионально реализовать себя в Китае либо проявляя интерес к своим этническим предкам.¹¹

В целом в российском приграничье ситуация с языковой компетенцией в смешанных семьях та же, что и в китайском: потомки уже в первом поколении не знают языка того родителя, который не относится к титульной нации и для которого язык страны проживания не является родным¹².

Охарактеризуем языковую личность такого типа и ее языковую компетенцию.

Валентина Васильевна Белоусова, 1936 г.р. (*I поколение метисов*). Родилась в Приморье, в настоящее время живет в г. Благовещенске.

Русский язык у Валентины Васильевны – родной и основной. Китайского языка не знает.

Мать – украинка, из полтавских крестьян, переселившихся на Дальний Восток.

Отец – китаец Чан-ун-чан, русское имя – Василий. Мог говорить по-русски (или на русско-китайском пиджине? – Е.О.). Сознательно не учил своих детей китайскому языку.

Домашний язык в семье родителей – русский.

Внуки не говорят по-китайски. Одна из внучек изучает китайский язык в университете (*III поколение*).

Таким образом, уровень языковой компетенции у потомков этой семьи минимальный: ее составляет только один язык – русский.

Есть основания считать такое положение дел типичным. Объяснение этому схоже с объяснением причин минимального уровня языковой компетенции потомков смешанных браков русских и китайцев, проживающих в Китае.

Полагаем, что на формирование языковой компетенции личности, рожденной в смешанном русско-китайском браке на территории России, оказывали влияние следующие факторы.

Во-первых, влиял язык страны проживания – русский, многофункциональный и престижный. Он нивелировал значимость китайского языка как малофункционального в России, что вело к исключению этого языка из языковой компетенции потомков от смешанных русско-китайских браков.

Во-вторых, в России в 30-е гг. сложились неблагоприятные для проживавших китайцев факторы: подозрения в шпионаже, из-за чего в 1937 г. китайцы с Дальнего Востока были депортированы на родину или репрессированы и сосланы в северные районы (в том числе и

¹¹ Ср. с примером из п. 2.3.1. – языковая личность Надежды, 1969 г.р.

¹² Сравни с ситуацией в русском Харбине в XX веке: первое поколение метисов – потомков от смешанных браков русских и китайцев – сохраняло русский язык, совпадавший с материнским языком, несмотря на проживание в стране другого языка. Первопричина этого в высоком статусе и многофункциональности русского языка в Харбине в начале и середине XX в.

отец нашего информанта Валентины Васильевны). Отторжение народа не может сопровождаться привитием языка этого народа, чего и не произошло¹³.

Однако отраден факт возникающего и нескрываемого интереса к своим этническим корням и у «ославянившихся» потомков от смешанных браков русских и китайцев, что проявляется в их стремлении установить связь с родственниками в Китае, выучить китайский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самойлов Н.А. Россия и Китай // Россия и Восток / Под ред. С.М. Иванова, Б.Н. Мельниченко. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2000.
2. Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007.
3. Аниховский С.Э., Болотин Д.П., Забияко А.П., Пан Т.А. «Маньчжурский клин»: история, народы, религия / под общ. ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005.
4. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск. Типография т-ва Д.О.Мокинъ и К°, 1894.
5. Арсеньев В. Китайцы в Уссурийском крае. Историко-этнографический очерк. М.: Крафт, 2004.
6. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Владивосток, Альманах «Рубеж», 2006.
7. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1905.
8. Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX-XX вв. Сборник статей и публикаций. Изд. 2-е, доп. и испр. Благовещенск: Амурский областной краеведческий музей им. Г.С. Новикова-Даурского, 2005.
9. «Амурская газета». 1902. № 126.
10. Головин С.А. Положение китайского населения на Дальнем Востоке России в 60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
11. Завалишин А.Ю. Национальные отношения и национальный вопрос на Дальнем Востоке: история и современность // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. IV. Этнические контакты. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
12. Аргудяева Ю.В. Межэтнические контакты коренного населения, восточных славян и народов Восточной Азии в Дальневосточном регионе // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. IV. Этнические контакты. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2001.
13. Лескова Т.А. К вопросу о применении «желтого труда» на территории Дальнего Востока: 20-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003.
14. Дацышен В. Г. Развитие образования для китайцев в Дальневосточном крае в начале 30-х гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 5. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003.
15. Лескова Т.А. О положении китайского и корейского населения на юге Дальнего Востока в 20-30-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.
16. Кочегарова Е.Д. К вопросу использования китайских рабочих в золотопромышленности Дальнего Востока (20-30-е гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.

¹³ Ср. с периодом Культурной революции в Китае в 60-е гг. XX в., когда осуществлялись гонения на русских и русский язык.

17. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Диалектологический фонд.
18. Рубеж. Харбин, 1941. № 4.
19. Ярошенко А. Другой берег судьбы // «Город». 12.09. 2007.
20. Ворсобин В. Китайцев не надо бояться, у них надо учиться // «Комсомольская правда». 26.06.2007.
21. Несмелов А. Драгоценные камни. Повесть // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, «Рубеж», 2006.
22. Несмелов А. Ламоза. Рассказ // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, «Рубеж», 2006.
23. Комментарии Е. Витковского, А. Колесова, Ли Мэн, В. Резвого // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. II. Рассказы и повести. Мемуары. Владивосток, «Рубеж», 2006.
24. Комментарии Е. Витковского и Ли Мэн // Несмелов А. Собрание сочинений. Т. I. Стихотворения и поэмы. Владивосток, «Рубеж», 2006.
25. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Харбинский фонд.
26. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
27. Понкратова Л.А. Особенности динамики и структуры международных миграций в приграничных регионах Дальнего Востока // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. / Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2002.
28. Баженова Е.С. Приграничные районы Дальнего Востока: современные проблемы миграции и пути их решения // Там же.
29. Мотрич Е.Л. Китайцы на российском Дальнем Востоке: проблемы и перспективы // Там же.
30. Волхонский Б. До Китая рукой подать // Власть. 31.07. 2006. № 30 (684).
31. Ярошенко А. Русских не пускают в китайский музей // «Город». 11.09.2007.
32. Фоноархив лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Китайский фонд.

И.А. Кунгушева

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ АМУРЧАН

При рассмотрении языка и культуры обращает на себя внимание проблема этнокультурного сознания и речевого поведения человека, с особой силой проявляющаяся при межэтническом и межкультурном взаимодействии. К данным вопросам обращались представители широкого круга социальных и гуманитарных наук: психологи, социологи, философы. В конце XX в. возникло множество новых научных дисциплин, изучающих этнокультурные феномены: этнопсихология, этноконфликтология, этнопедагогика, этносоциология и др. Наряду с ними активно развивается этнолингвистика и этнопсихоллингвистика, постулирующие мысль о том, что язык – это не только главное средство осуществления диалога между культурами, но и средство формирования мировоззрения говорящего, включая представление о том, что значит принадлежать к той или иной этнической группе.

Проблемы осмысления межкультурного и межнационального общения, выявления специфики когнитивных моделей, используемых представителями различных наций, находятся в фокусе внимания многих исследователей: А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова,